

Евгений Пинаев

Арлекин

Евгений Пинаев

Арлекин

«Издательские решения»

Пинаев Е. И.

Арлекин / Е. И. Пинаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748210-7

Повесть «Арлекин» — о приключениях советского моряка в северном конвое во время Великой Отечественной войны. Благородство, мужество, умение противостоять обстоятельствам и, конечно, любовь к морю объединяют героев этой книги.

ISBN 978-5-44-748210-7

© Пинаев Е. И.
© Издательские решения

Содержание

Автореферат на тему, кем я был, чем я стал и что (кто) есть у меня	6
Арлекин	9
1	11
2	15
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Арлекин

Евгений Иванович Пинаев

© Евгений Иванович Пинаев, 2016

© Евгения Ивановна Стерлигова, иллюстрации, 2016

Обложка фрагмент картины автора

Издано при участии Фонда «Рябинушка»

Проект «Морского клуба» www.ekbmarine.ru

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автореферат на тему, кем я был, чем я стал и что (кто) есть у меня

Итак, был я когда-то, как и все человекообразные, яйцеклеткой, которая пройдя все стадии, определённые природой, появилась на свет 13 сентября 1933 года в виде горластого младенца, который, земную жизнь пройдя сверх половины, поусох, поутих, частично оглох, завёл клюку для подпоры, словом, превратился в старпера-пенсионера, обросшего сухопутным мхом поверх, ещё сохранившихся на некоторых выдающихся местах, морских ракушек, а также тины, водорослей, песка и прибрежной гальки.

Замечу далее, что в дате о моём рождении, имеются аж 3 тройки, а цифра «3» имеет, как мне кажется, магические свойства, ибо фигурирует на всех этапах жизни русского человека, в частности, и российского гражданина вообще. К примеру, сбрасываются (-лись) на троих и, было время, по три рваных. Бывает, правда, что третий — лишний, но это исключение, особенно если имеем дело с любовным треугольником. Дальнейшее перечисление употреблений мистической цифири не имеет смысла, однако же добавлю, что как-то услышал от единоутробного брата своего, которому я не сторож, такую фразу, которая определила три моих ипостаси: «Ты, братан, полуморяк, полухудожник и полуписатель». «Недоделок, словом», — задумчиво констатировал я. «Отнюдь, — сказал он голосом известного экономиста. — Вспомни того, кто есть един в трёх лицах. Он воспарил и довёл человечество до христианства, а ты, сколотив три полена своей сущности, вроде как завершил свою судьбу». «Воссоздав её в виде основательного чурбака», — вновь констатировал я, а в ответ получил хитрую усмешку.

На этом, собственно, можно было бы завершить сей автореферат, ибо все детали, все подробности моей брэнной жизни описаны в романе воспоминаний «Похвальное слово Бахусу, или Верстовые столбы бродячего живописца». Название опуса говорит само за себя, ибо на затейливых тропинках жизни я пробирался от столба до столба, следуя завету князя, крестителя Руси, который не принял мусульманство по той причине, что «веселие Руси есть питье, не можем без этого жити». Однако отсылать кого-либо к поискам журналов — дело неблагодарное, а потому кое о чём всё же проболтаюсь.

В своё время я закончил два учебных заведения и два не закончил. Так как моё появление на свет произошло в северном Казахстане, то в городе Щучинске Кокчетавской области я получил свидетельство об окончании семи классов в неполной средней школе №1. В городе Кишиневе я получил диплом об окончании Республиканского художественного училища. А не закончил я Художественное ремесленное училище №42 в городе Свердловске, а после убытия из страны виноградной лозы, Молдавии, так же не завершил обучения в Художественном институте имени Сурикова, который, как известно, находится в столице нашей родины Москве. Институт покинул в глубокой тайне от друзей и сокурсников, которые не понимали моей застарелой болезни — тяги к морю. Таким образом, совершив ретираду, я бросил якорь в некогда прусском городе Кенигсберге, ставшим советским Калининградом и столицей рыбаков, к славной кагорте пахарей моря и примкнул экс-студент, и где, конечно же, воздвиг основательный верстовой столб — отправную точку для странствий по солёным хлябям мирового океана. Между прочим, здесь, в Кениге, я не закончил (видимо, по застарелой привычке) третье учебное заведение — Среднее мореходное училище. То ли мистическая цифирь подыграла этому (третье — лишнее), то ли лень-матушка, но, думаю, истина в другом: я вовремя понял, что стезя судоводителя — не для меня. Мой удел — свайка, троса, палуба и те её мелочи, которые на морском языке называются «дельными вещами». Ибо я был, о море, твой пловец. Однажды доплавался до того, что оказался в Балтийском отряде учебных судов. Сначала в должности матроса и подшкипера, потом — боцмана. Три года под парусами трёхмачтовой

баркентины – мои главные морские университеты и самое счастливое время жизни. Именно тогда я женился, ушёл из учебного отряда, переведённого в Ригу, снова рыбачил и наконец оказался на Урале, не корысти ради, а токмо волею повлиявшей на мя жены.

Во-первых, родился сын, во-вторых, я вернулся из самого длительного рейса, длившегося 7 месяцев 15 дней, и в-третьих, что главное, супруга моя поведала о своих страхах. Мол, а когда на море качка и бушует ураган, и стены дома сотрясаются от штормового ветра, колобродящего за окном, в заливе, страхи её касались благоверного: каково там ему, в синем и далёком океане, где-то возле Африки или Ньюфаундленда?! Сказалась и послерейсовая усталость. В это время легко даётся любое решение. Я знал, что в Кениге оставаться нельзя. Останусь – рано или поздно снова сбегу в моря, а вёрсты, отделившие Урал от Балтики, казались достаточной гарантией для оседлого образа жизни на мёртвом якоре с пережёвыванием и перевариванием былых впечатлений при помощи кисти и карандаша. Впрочем, я ещё дважды возвращался на моря. В 1967 году, совместно с уральским художником Аркадием Охлупиным, сделал рейс на барке «Крузенштерн» по маршруту Рига – Севастополь – Риека (Югославия) – Марсель – Рига. В Севастополе, когда студия Молдова-фильм снимала на барке ленту «Рыцарь мечты», я шапочно и познакомился с Крапивиным, но окончательно свёл нас Свердловск. В середине 70-х работал матросом на калининградской плавбазе «Ленинская «Искра». И это было в последний раз, когда пришлось видеть океан с борта рыбопромыслового судна.

Особых успехов на Урале живопись мне не принесла. Урал социалистический и идеология ведущей и направляющей требовали не морских пейзажей, а пафоса трудовых будней рабочего гегемона и труженика села. Я иногда участвовал на городских и областных выставках, а когда близился крах социализма с человеческим лицом, угодил на последнюю зональную выставку, имевшую быть в Свердловске. Конечно, случались и какие-то персональные выставки. С одной из них Областное управление культуры приобрело для Ирбитского художественного музея картину «На дальних берегах». Так как сие произошло ещё в период исторического материализма, то холст благополучно пылился много лет в запасниках музея. Когда ирбитчане решили создать Музей современного уральского искусства и начали перебирать и считать свою недвижимость, картина всплыла и, видимо, произвела какое-то впечатление, так как дирекция сочла нужным разыскать автора, что-то у него купить, а потом и устроить выставку в новосозданном музее, которая открылась и закрылась в положенные сроки, то есть ровно за год до того, когда мне, автору, предстояло окончательно превратиться в дремучего старпера 75-ти лет от роду.

Так всё и было (я говорю о живописи) до знакомства с Владиславом Крапивиным. Благодаря ему и только ему, появилось третье моё «полено», которое я бы не назвал даже «полуписателем». Общенье привело к первым опусам, опубликованным там и сям, двум книгам прозы и вступлению в Союз писателей СССР с ликом вождя мирового пролетариата на корочке членского билета. Произошло это (как бежит время!) в конце прошлого века, в июле 90-го, когда рухнул Советский Союз, а среди его обломков исчезли госиздательства и возможность издаваться «полуписателям» без имени, без роду-племени, что не сумели облачиться в гламур или мундир майора Пронина, а то и просто не захотели «лёгкой жизни» на грязном гребне волны, что прокатилась по России, строящей капитализм с человеческим лицом по нечеловеческим рецептам.

Завершая эту биографическую справку, которую можно было бы назвать «жизнь и необыкновенные приключения кильки в томате», скажу, что республиканская литературная премия имени Мамина-Сибиряка и Шолоховская медалька, да плюс к тому лит. премия журнала «Урал», скорее всего, достались мне по ошибке, так как действительно не считаю себя писателем. А потому приставка «полу» более соответствует истине и вполне годится для слова «литератор». Что до великого слова «писатель», то, думаю, каждый волен подумать над ним

и дать соответствующую оценку тому, кто достоин этого звания. Вспомните стих Маяковского «Лев Толстой и Ваня Дылдин» и сделайте свой выбор. И вывод.

За сим руку приложил – Евгений Пинаев

Арлекин

*Капитанам дальнего плавания Вадиму Владимировичу Чудову
и Евгению Николаевичу Лепке, воевавшим на море и на суше.
С глубоким уважением автор*

Лесовоз «Кассиопею» навалило на английский сухогруз «Корнуолл» в акватории порта Саутгемптон. Если сказать, что сухогруз «Корнуолл» навалило на советский лесовоз «Кассиопею», – истина не пострадает. Обстоятельства происшествия, изложенные в «морском протесте» капитана лесовоза, своевременно оформленном советским консулом, соответствовали положениям Брюссельской конвенции «по унификации некоторых правил относительно столкновения судов» и не противоречили двести пятьдесят третьей статье Кодекса торгового мореплавания СССР. Пункты конвенции 1910 года и статья КТМ трактовали подобную аварию как случайную, возникшую под воздействием непреодолимых сил, к каковым относится чрезвычайно густой туман, помешавший маневру «Корнуолла» и «Кассиопеи». Тем не менее владельцы сухогруза подали иск в арбитраж при Лондонском комитете Ллойда, инкриминировав капитану «Кассиопеи» нарушение правил порта Саутгемптон.

Мне пришлось вылететь в Англию экспертом советской стороны, ибо сущность «морского протеста» в разных странах трактуется по-своему. В Англии как юридический документ он принимается только с согласия противной стороны. Экспертная комиссия рассмотрела обстоятельства дела на месте, в Саутгемптоне, и отклонила притязания владельцев «Корнуолла».

Итак, все кончено. Никаких выплат, никаких компенсаций: форсмажор – это форсмажор и, следовательно, «убытки несет тот, кто их потерпел». Бумаги подписаны, билет на аэрофлотовский самолет уже заказан, а вылет – завтра вечером из аэропорта Хитроу. Торопиться некуда. Можно отдохнуть, побродить по городу. Как ни спеши, но дома окажешься ни раньше ни позже положенного часа. Добираться же до Лондона лучше всего утром. Шоссе, конечно, лучше всяких похвал, погода, по здешним меркам, – отменная, но, увы, возраст уже не тот, чтобы садиться в автобус с накопленной за день усталостью. Когда человеку под семьдесят, годы – все равно что семь смычек на грунте при слабосильном брашпиле. Надорвешься, пока дотащишь якорь до клюза. Да, возраст обязывает ко многому – в том числе и к таким вот, как эта, пешим прогулкам. . . В городском парке я сел на скамейку у памятника героическим механикам «Титаника», развернул «Саутгемптонское эхо» и прочел в газете об очередной «хитрости русских, выигравших процесс у наших моряков». Арбитраж Ллойда не упоминался совсем.

Когда-то местное «Эхо» писало о русском паруснике, ошвартовавшемся в Иннер-доке. Наверное, только поэтому меня потянуло в порт. . .

Вот она – жизнь моряка! Куда судьба ни кинь, везде – клин, всюду, в том или ином обличье, достанет прошлое. К счастью, здесь оно имело молодую и симпатичную мордашу, потому что сюда я привел когда-то учебное парусное судно. Баркентина, волею судеб, тоже именовалась «Кассиопеей».

В ту пору было мне сорок четыре. Тоже многовато, хотя зрелые годы воспринимаются нами куда спокойнее, чем «безоблачная» юность, которую одним махом обрubiла война. Четыре военных года превратили нас в бывалых вояк с опытом, какого не обретишь порой за несколько жизней, которых, как известно, не имеет человек.

О том и думал, когда, минуя длинную цепочку доков и пакгаузов, неторопливо шел причалами до набережной Ки. В прежние времена здесь швартовались знаменитые «королевы» Атлантики: «Куин Мэри» и «Куин Элизабет». Отшумела их былая слава. . .

А там вон, в самом дальнем углу Иннер-дока, стояла когда-то крохотная деревянная «Кассиопея». Зеленая вода, как и тогда, лизала замшелые сваи, лебеди, как и в ту пору, словно маленькие фрегаты, медленно пересекали док, и так же качались на легкой волне желтые лимонные корки.

...Нельзя слишком пристально вглядываться в прошлое – недолго и споткнуться: чья-то рука вовремя удержала, несильно сжав локоть, когда я запнулся за швартов.

– Простите, сэр, но, судя по форме, вы – русский моряк?

– Да. Прямым из Москвы. – Я с любопытством окинул взглядом коренастого, страшно широкоплечего деда (примерно моих лет) с багровым лицом, как бы приставленным к белому треугольнику рубашки, упрямой за отвороты черной морской тужурки. – Чем могу быть полезен?

– Разве Москва стоит на море? – удивился краснолицый.

– Столица пяти морей! – улыбнулся я. – К тому же в столице имеется министерство, где я работаю в главной инспекции по безопасности мореплавания.

– О-о, в инспекции морского министерства!.. В таком случае, сэр, по роду службы вы обязаны знать многих капитанов?

– Да, сэр, вы правы... – Ответ прозвучал слишком сухо, о чем я тут же и пожалел, так как заметил на груди англичанина среди орденских ленточек знакомую колодку Боевого Красного Знамени: ошибиться невозможно – два таких же ордена приколоты к тужурке, оставшейся в Москве. – Вас интересует конкретное лицо?

– Да. Мы... называли его «чокнутым». Но не за то, что русский капитан именовал себя Арлекином.

– Арлекином?! Он называл себя Арлекином?! – воскликнул я в сильнейшем изумлении. На «чокнутого» (моряк произнес это слово на сленге «натти», известном мне со времен войны) я просто-напросто не обратил внимания.

– Ну да. Уверял, что прозвище связано с приятными воспоминаниями. Согласитесь, услышав хоть раз, что моряка зовут Арлекином, уже не забудешь. Верно? Если вы слышали о нем, то сразу вспомните.

«Арлекин!.. Черт возьми, даже здесь, Володька, знают о тебе!» И стало неловко, стыдно стало перед собой: столько лет собирался отыскать старого товарища, да так и не собрался. Прособирился, выходит, за делами, за морями, за множеством забот и командировок в самые неожиданные места. Когда же мы виделись в последний раз?.. Мать честная, страшно подумать: еще в войну. И где?.. Право слово, и тут невероятность: в Лондоне, вот где свела судьба!

– Я знаком с капитаном, о котором вы говорите. Слышал, что жив. Простите, с кем имею честь?

– Кептен в отставке и кавалер ордена Боевого Красного Знамени Джордж О'Греди, сэр! Познакомился с вашим соотечественником в мурманском конвое. Мы были молодыми и дерзкими. О годы, годы!..

– Джордж О'Греди!.. – И снова не было предела моему изумлению. – Это не о вас мы пели когда-то! «И английский офицер Джордж О'Греди носит орден эСэСэР, Джордж О'Греди!» А?

– А что – была такая песенка? – в свою очередь удивился кептен в отставке.

1

Встреча с О'Греди взбудоражила и оказалась последней каплей: все, хватит ссылаться на занятость, хватит откладывать на потом. Вернувшись из Англии, я обзвонил ближних и дальних знакомых и в конце концов раздобыл координаты Арлекина, осевшего, оказывается, в крымском совхозе. Покончив с делами и высвободив целых три дня, махнул к нему, не предупредив телеграммой. Решил ошеломить приездом.

Приехал и торкнулся в запертую дверь. Пришлось заглянуть в контору совхоза. Молодая в теснящих джинсах и с равнодушным взглядом из-под зеленых новомодных век пожала плечиками: «Владимир Алексеевич часто уезжает в область...» Качнула бедрами и, вжик-вжикнув жесткой материей, с трудом уселась за стол. Пишущая машинка ударила кастаньетной дробью. Я ждал и услышал сквозь треск клавиш: «Вам же русским языком говорят: уехал рано утром с женой и директором. Если решили дождаться – идите к морю. К вечеру непременно вернутся».

Что ж, спасибо, зеленовекая, за совет! Так и сделаю. Тем более, ничего другого не остается.

Я брел молодыми яблоневыми посадками. Портфель оттягивал руку, палило солнце, но впереди, за желтыми глинистыми горбами, заманчиво шумела прохладная черноморская синева.

...Мы быстрее стареем от равнодушия и лени. Память о друзьях выпадает в осадок и, словно зыбун-песок, засасывает прошлое сиюминутная и обильная неотложность маленьких и больших, но не всегда обязательных дел. На берегах этого моря все просто и ясно. По крайней мере, для меня. Мы не загорали на этих пляжах, не мяли их спинами, зато исползали на животах и подсолили кровью. Здесь – наша молодость. И она, черт возьми, осталась вокруг, потому что вокруг – вечное: эти волны, это небо и этот зной, эти чайки... Наша юность – внутри нас, она оживает в полузабытых снах, которые становятся явью даже от немудрящей песенки, что наявливает поблизости горластый магнитофон: «...не зная горя, горя, горя, в стране магнолий плещет море!» Тревожит душу надрывная истома, и не понять уже: от нынешней ли шлягерной поделки накатывает грусть или всплывает она из памяти вместе с вязью довоенных мелодий.

...танцуют пары па-ад а-аккорды,
и можно га-ава-аа-арить сва-абодно
про жизнь и пра-а люб-бовь!

Дрогнуло что-то внутри, качнуло что-то хрупкие колесики, и они закрутились, затикали, цепляя зубчик за зубчик. Ожило время, вытряхнуло суетное, оставив то нетленное, что не объяснить словами, но что всегда поддерживает в нас чистую и тихую печаль об ушедшем, о прошлом, где живы еще мечты и желания, дерзость и хмельные порывы любви... И где – война.

Местечко нашлось, как показалось, очень удачное. Прямо над головой нависала танцплощадка. В ее тень можно прятаться, спасаясь от перегрева.

Да, вот оно, море!.. Шибаёт в ноздри солью и свежим ветром, но пляжик... Обычный берег под глинистым обрывом. Наверху – бескрайние виноградники, внизу – узкая лента песка, серые камни, плоский ручеек, размазанный по крупной гальке. И загорающие – эти вот, как сказал бы писатель Конечский, «портреты в морском пейзаже»: голозадая пацанва, парнишки-акселераты и девчушки. Хорошо-то как! Молодые все да здоровые. А какими им быть еще под этим солнцем, у этого моря?

Я купался, жевал хлеб, обливался помидорами и время от времени отползал вслед за тенью, которая укорачивалась, словно шагреневая кожа.

...Кто-то грузный прошелся рядом и с хрустом потоптался у моей головы. Не было сил разомкнуть веки. Снова захрустела галька – шаги стали удаляться, неожиданно вызвав тревожное сердцебиение. Я сел и потер грудь.

В трех шагах валялись растоптанные штиблеты, потерянная хозяйственная сумка и выгоревшее спортивное трико. Владелец этой кучи стоял по щиколотку в воде. Был он кривоног и широкоплеч, лысина – коричневый островок в белопенной опушке седины. Даже на расстоянии, или благодаря ему, я узнал Арлекина.

– Эгей, товарищ, вы забыли снять часы! – чувство пляжной солидарности сработало автоматически: я крикнул, но почему-то не назвал его по имени. «Товарищ» оглянулся – взмахнул рукой и... часы в воду! Словом, дал понять, что купание механизму не возбраняется.

– Дядя, дядя, – загалдела мелюзга, – искупай часики еще!

«Дед, не дядя, поросята вы эдакие!..» – подумал с усмешкой; Владимир тем временем послушно нырнул, а когда, минут через десять, выбрался на берег, то сказал мне обыденно, точно расстались вчера:

– Испугался за хронометр, Федя?

Арлекин наслаждался впечатлением. Разглядывал меня, неспешно тер коричневую шею, гладил свою лысину и седые курчавинки, лапал и щупал рваные шрамы на боку и волосатых ногах.

– Многие пристают: продай и продай, – пояснил довольnehонько, – а я считаю, что не зря выложил франки в Дакаре. Часики эти – для водолазов. Отменная упаковка – горя не знаю.

Я захохотал и свалился на спину.

– Ты... чего? – Он вытер лицо, скомкал полотенце и бросил, ловко угодив в раскрытую сумку.

– Обниматься будем? Сто лет не виделись, а?!

– Широко ты стал, Федя, – он присел и похлопал меня по спине, – широк ты, Федя, как многоуважаемый министерский шкаф. Боюсь, не обхватить.

«Эге, майн либер Арлекин, да ты, кажись, обижен! Ну и мне поделом – мог бы давно письмецо черкнуть, если уж не удосужился приехать до сего дня...»

– Выходит, знал, что я в Москве?

– Слухами моря полнятся, а земля – и подавно... Повидаться? Или по делу завернул? Ну... куда-нибудь по-соседству.

– К тебе, Володя, к тебе но, увы, всего на два дня.

– Красотуля обрадуется. Вот с ней и обнимешься, Федя! – засмеялся и подмигнул: – А меня-то зачем тискать?

– Ах, Красотуля, Красотуля... Ну, как она? По-прежнему с тебя пыль сдувает?

– Напекаешь на лысину?

– Когда ж ты облез, капитане?

– Как вышел на пенсион – так и слизнуло. Последнее время жил я в Приморске. Устроился в театр. Числился машинистом сцены, но являл собой как бы пожарную вахту, приглядывал за дымокурами и порядком. Тихая, сонная жизнь за кулисами, и начал я от той жизни стремительно лысеть. Тогда и скомандовала Красотуля поворот «все вдруг».

– А почему не ТУДА? Не потянуло в наши края?

– Ты, Федя, бывал в наших-то?

– Да как-то не получилось...

– А у меня получилось! Там, Федя, сейчас курорты да санатории, бары да кафетерии, завсегдатаи особого рода, суета сует и всяческое занудство. На сезон, может, тебя хватит, а для постоянной гавани... Мы вот здесь нашли свое, нужное. Во-первых, совхоз. Посильная работа пенсионеру не возбраняется. И море рядом. Вроде как тихая заводь с лягушатами, усмехнулся,

кивнул на мальцов, шнырявших по пляжу. – Внучат, Федя, считают по осени, а моих только осенью и привозят...

«Не зная гор-ря, горря, гор-ря!...» – снова грянуло наверху.

– Вот черти... Даешь децибелы, и никакого уважения к старичкам, настроившимся на воспоминания! – Арлекин запрокинул лысину и недовольно уставился «на исподнее» танц-площадки.

Хотя язык мой не поворачивался называть друга довоенным именем-прозвищем, я видел сейчас прежнего Арлекина: глаза с прищуром, усмешка на губах, готовая превратиться и в улыбку, и в ядовитую ухмылку. Вообще-то он всегда выглядел самоуверенным. «Для понта», как некогда объяснял сам.

Как давно это было!..

Володька без раздумий брал в оборот любого: портового ли матроса, самого ли начальника порта – характерец! Не уступал в силе пальцам, гнувшим полтинники и пятаки. Характер и привел молодого капитана танкера на мостик крохотного буксира в таком же крошечном черноморском порту: не понравилась кому-то его прямота, заступничество за моряков-товарищей. Нашелся охотник до кляуз, черкнувший куда следует про троцкистскую литературу, которую якобы хранит и распространяет капитан. К счастью, обошлось, и защитник нашелся, сплавивший Володьку в заштатный далекий порт, где вскоре объявился и я. И тоже не по своей воле, и тоже на буксире, где Володька был капитаном, а я занял должность старшего помощника.

Знакомство началось с некоторой настороженности ко мне Арлекина. В ту пору, естественно, Владимира Алексеевича в известных кругах и Володьки-капитана в известных менее, но достаточно обширных, что простирались от приморских духанов до мандариновых плантаций в предгорьях. Настороженность понятна. После анонимки, после передрыг и мытарств я и сам старательно обходил встречных-поперечных с лицом доброхотов. Когда ж мы «раскусили» друг друга, Володька объяснил бесчисленность своих знакомств буднично и весьма прозаично!

– В раковине долго не проживешь, ежели ты не мягкотелый рак-отшельник. Да и зачем застегиваться на все крючки перед здешними аборигенами? Они, брат, испокон веков поставляли на буксиры собственных шкиперов и привыкли обращаться с ними по-свойски. Так чего же нос задирать? Мой танкер – в прошлом, живем – в настоящем, а я принимаю жизнь в масштабе один к одному.

Да... Таким он был в те годы.

Потом была война, был Севастополь, встреча на Аполлоновке, была Казачья бухта, и он, именно он, как я узнал потом, грузил меня с пробитой головой на подлодку.

А после был Лондон и наша последняя до нынешнего дня встреча...

– Кстати, – вспомнил я, – просил тебе кланяться некий кептен О'Греди. Занесло меня недавно в Саутгемптон и... Вот случай! Познакомились на причале.

– Да ну?! Жив курилка!.. – Арлекин сел, взволнованный и изумленный. Ах, Федя, Федя, с каким бы удовольствием я пожал сейчас руку этого ирландца! Он по-прежнему рыжий?

– Скорее... кофе с молоком. По крайней мере, та пакля, что виднелась из-под фуражки, напоминала традиционное пойло наших кафетериев.

– О годы, годы!..

Я засмеялся.

– Ты... это чего? – удивился мой облысевший друг.

– Цитирую О'Греди! «О годы, годы!.. Мы были молодыми и дерзкими!» Улавливаешь сходство?

– Н-да... Годы мои, годы, горе мени з вами... Стряхнуть бы десятка два и снова ударить по морям, как ты, к примеру.

– Я?! Да я ж – столоначальник в присутственном месте!

– Не приbedняйся, отче... – Он расстелил полотенце, покойно распластался на нем и закрыл глаза. – Я же сказал, что знаю о тебе все: держишь пальцы на пульсе флота.

– А собственный – еле прощупывается. И пальцы дрожат... Телефоны будят в ночь-полночь и требуют срочного решения. Бывает, тут же снимаешься с якоря и летишь на Камчатку, в Африку, в тартарары, на кудыкину гору, а движок, – я помассировал грудь, – только на валидоле и держится. Однажды откажет в небесах, и тогда – посадка в море вечных туманов.

– Дывытэсь, люди: неужто мы такие диды?! – Он приподнял ноги – живот взбугрился мышцами. – Пятак найдется, министр?

– Держи... – Я защелкнул кошелек.

– Рупь мне уже не по силам, а эту козявку... Р-раз!.. – Монета была смята в дугу. Он нажал на края – сомкнулись.

– Да ты, брат, еще силен! – позавидовал я. – А помнишь?..

2

Внешность Володьки, Владимира Алексеевича, само собой, не имела никакого сходства с классическим персонажем комедии дель арте. Настоящий Арлекин, как я понимаю, хитрец, проныра и везунчик. Таким он, по крайней мере, изображен у Сезанна. А Володька? Быть может, только везунчик. Опять же за счет чего? То-то!.. В довоенную пору... я не мастер на словесные портреты... был Володька не высок, но и не то чтобы низкоросл. Круглолиц был, но не скуласт. Не красавец, но... В общем, здоров, как бык, и жилист, как черт Грузен при этом, но, опять же, не толст. Внешность – сплошные противоположности, но соразмерные. И лишь одно не вызывало сомнения и определялось тогдашним словечком «моща». Силенкой наградил Володьку батька-кузнец, любовь к морю внушил Каспий, возле которого прошло его детство.

Теперь о происхождении Арлекина. В том смысле, откуда есть пошло это странное прозвище.

Владимир Алексеевич может обижаться на меня, но и по сю пору я считаю истинной виновницей этого прозвища его Красотулю. В ту пору еще не его, но Красотуля, между прочим, Володькино словечко. Так он зовет жену, так и я буду называть ее впредь, тем более присутствовал при знакомстве.

Мы пробирались узкой улочкой.

Солнце успело сплюснуться о горизонт, но капитан углядел за оградой двух фыркающих котят. Рыжий лупил черного, но было ясно – игра. Володька швырнул в них щепку и рассмеялся от полноты чувств: имела у нас в тот день какая-то удача.

– Лопес! Бонифаций! – послышалось из-за кустов инжира. – Быстро ко мне, а то шлятся здесь разные хулиганы!..

Мать честная!.. Краса-девица с умопомрачительной косой толщиной в перлинь! Впрочем, все остальное тоже впечатляло.

– Вот так красоту-уля... – шепнул Володька и громко отчеканил, что означало приказ: – Поторопитесь на вахту, старпом, а я задержусь для выяснения зоологического феномена: отчего один котфей что закат в пустыне, а другой черней черноморской ночи. Это ваши, гражданка? Лопес и Бонифаций!.. Оч-чень мило... – перемахнул через штaketник и был таков.

Через неделю весь городишко знал о состоявшемся знакомстве. И город мал, и Володька-капитан – фигура.

Несколько слов о городе.

До войны – заурядное зрелище: хаос домишек, гавань, маячок, мол и приземистый пакгауз, крашеный словно бы яичным желтком, и основная достопримечательность – славный особнячок управления порта. Фасад его, с претензиями и финтифлюшками, браво выпячивался на площадь, где торчали обшарпанный фаэтон Гони Султана, фотосарай «Артельсоюза» и самый большой в округе духан. Домишки мостились на горе и стороной сползали к «эспланаде» набережной с пыльными вазонами, утыканными окурками. Имелись речка и овраг именовавшийся «ущельем», но становившийся им в горах за лечебницей-санаторием, где работала санитаркой Красотуля. Тамошние пациенты и ее подопечные обладали, кроме болезней, пристрастием к всевозможным маскарадам. Обычно гуляния старались приурочить к празднованиям официальных дат, а также к дням заезда – отъезда отдыхающих. В такие дни эспланада буквально преображалась.

Теперь немного о капитане.

Я уважал его за мастерство. Азартное, но без рывков и реверсов, которых, как известно, не любят ни механики, ни механизмы. Понимал машину нутром. Нервом чувствовал скорость, инерцию и предвидел, как откликнется буксир на десяток добавленных или сброшенных обо-

ротов, как поведет себя при малейшей перекладке руля. Это было искусство, а оно есть красота, помноженная на характер. Конечно, это мое личное понимание.

Другая деталь, необходимая в дальнейшем и в то же время дающая новые сведения о характере Володьки-капитана.

Не помню, из-за чего вышел спор, но ударили по рукам, что Володька за год овладеет английским. В совершенстве! Ударили и забыли. Все! Кроме него. А ровно через год... «Хау ду ю ду, мистер Браун?», как пели в те времена. «Мистер Браун», кажется, главврач санатория, так опешил, что вместо проигранных пяти выставил десять дюжин пива. Пиво – ерунда, но каков Володька?!

Как выяснилось, Володька лукавил. Сам и признался, что начинал не на пустом месте. Мальчишкой сдружился с американским негром Джо Иморе, который «сбежал с электрического стула» и оказался аж на Каспии! Облюбовал парусную шхуну «Два друга», где и встретился с Володькой. Как могли, так и учились друг у друга языкам. Джо – по необходимости, Володька – из любопытства, которое помогло в Институте водного транспорта не болтаться среди отстающих, а сейчас выиграть пари. Конечно, капитан поделил расходы за угощение, но изучение английского не оставил. Втянулся. Во-первых, прекрасное занятие в нашей дыре, во-вторых, где еще найдешь такого учителя, каким оказался капитан порта старый морской бродяга и полиглот? И он вцепился в ученика обеими руками! «Ставил» произношение, шлифовал слух к идиомам, искоренял остатки американского сленга, приохотил к английской классике, особенно к Шекспиру.

Итак, каким же образом Володька-капитан стал Арлекином?

...Близился к концу последний предвоенный декабрь. Наступление Нового года предполагалось отметить грандиозным маскарадом на эспланаде. Красотуля превращалась в Пьеро. Суженому досталась роль Арлекина Володька страдал, но противиться не мог и сам, своими руками пошил костюм, который навсегда как бы прирос к его шкуре в виде прозвища.

В канун Нового года на побережье обрушился свирепый норд-ост, заставший буксир южнее Сухуми. Кораблек не нашел какую-то щель, куда и забился, но я-то... Я сломал ногу и валялся в каюте, прикладывал примочки на многочисленные синяки.

Капитан воспрянул духом: если шторм продержится хотя бы несколько дней... В такую погоду не до маскарада, и, значит, появилась надежда избавиться от насмешек. Да-да, шторм – это избавление! И мой командир в самом радужном, в самом новогоднем расположении духа отправился на почту, чтобы известить родной порт и, если удастся, возлюбленную о состоянии буксира и его координатах, имеющих быть в настоящее время и, может быть, в новогоднюю ночь.

Дребезжали стекла в окнах почты, Володька надрывал связки:

– Алло-алло, управление порта! Раечка? Май герл, передай руководству, что вверенный мне буксир гордо стоит у причала! Да-да, ты правильно мыслишь: мы не утонули, более того... Что значит ближе к делу?! Принимай: сопротивляясь напору стихии, бодро держимся на поверхности родного моря и шлем братскому коллективу таких же успехов в выполнении... Стоп! Это записывать не нужно! Ты не записываешь? Молодец, Раечка! Если не трудно, передай Красотуле мое сожаление-огорчение, но, кажется, мы не успеем на эспланаду, и я не смогу принять участие в карнавале! Что-что? Торчали рыжие усы? На карнавале, под сенью ночи? Оч-чень возможно, что мы все-таки успеем! Так и передай: успеем!

Успеем!.. Разве он знал? А шторм-то и впрямь пошел на убыль. День он еще куролесил на пространстве от Новороссийска до Трапезунда, ночь миновала и так и сяк, а утро тридцать первого декабря застало буксир в море.

...Небо прояснилось. Пронзительно-колкие звезды застыли над гребнем хребта. В черном стыке берега и моря оранжевым глазом подмигивал маячок: «Нагулялись? Подходи. Нагулялись? Подходи!» Капитан поправил на мне одеяло и вздохнул:

– Пора готовиться к маскара... Тьфу, к швартовке. Но все равно: «Хау ду ю ду, Красотуля? Твой Володька напаялит тряпки Арлекина, чтобы у Пьеро упаси боже! – не испортилось настроение». Так-то... Если б хоть ты был на ногах, Федя. Волна-то порядочная, а в рубке не штурман – пацан.

– А ты не спеши с переодеванием... Успеешь.

– Хо-хо! А ты взгляни на часы – сколько осталось? То-то! И я обещал, а если обещал – тресну, но сделаю!

Дальнейшие события излагаю по рассказам очевидцев.

Ветер ослаб, но море, раскочегаренное норд-остом, швыряло буксир, как мандариновую корку. Заметно потеплело, на эспланаде – не протолкнуться. Буксир заметили. Таращатся и ждут.

На причале, к которому из последних силенок стремился буксир, два портовых матроса горланили песни и передавали из рук в руки обмякший бурдюк. Только они не оборачивались к морю, только эти двое не слышали хриплого гудка.

Капитан увидел метнувшийся на берег бросательный конец и припал к иллюминатору: «Молодец, боцманюга! Смотри-ка, изловчился и выбил изо рта этого абрека горлышко бурдюка!» Лишь теперь швартовщики повернули головы и вскочили, сообразив, что праздник праздником, а дело делом, и нужно принимать пароход, если принесло с моря какого-то психа. Выволокли швартов на причал и потащили к ближайшей тумбе. Тащил, собственно, один. Второй не смог расстаться с бурдюком. Этот руководил. Плелся за товарищем, помогая советами и жестами.

Капитан всматривался в берег, не ведая, что уже началось его превращение в Арлекина.

...Волна поддала в днище – буксир взбрыкнул и рванул швартов. Матрос напрягся, уперся ногами, но разве осилить даже и сильному мариману мощь законов природы? Нет и нет. Второй рывок был слабее, но он и сдернул абрека в море, а друг его бросил бурдюк и так резво сиганул на помощь, что едва не угодил под форштевень.

Судно могло раздавить людей, а мальчишка в рубке растерялся. И тогда... на палубу выскочил Арлекин.

Позже он каждый раз смущался, вспоминая, КАК ВЫГЛЯДЕЛ со стороны. А в ту минуту...

Боцман свесился за борт и ловчился ухватить абреков за волосы. Они, кстати, так и остались в памяти людей как абреки, а в ту пору были нормальными претендентами в утопленники. Капитан не стал мешать боцману в спасении на водах. Выскочил, рванул рукоятку ленточного стопора и под грохот якорной цепи крикнул штурману:

– Лево руль! Самый полный назад!

Нос клюнул влево и замер, но теперь заносило корму. Капитан еще потравил якорь-цепь – буксир попятился от стенки. Полоса воды ширилась, подоспевшие люди вытаскивали абреков на причал. Боцман выбирал трос из воды, готовился к новой швартовке.

– Арлеки-ии-ин! – раздался голосок Красотули, не знавшей, что творит акт превращения, что с нынешнего дня к Володьке приклеится это прозвище. Даже сочинят песню про Володьку-Арлекина.

Да-а... Все так и будет.

Весной они поженились, а летом началась война.

Я ничего не слышал о нем, пока не попал в медсанбат и не оказался на попечении... Красотули. Она заштопала мне простреленное плечо и рассказала о муже то немногое, что знала. Уже капитан-лейтенант. Дважды тонул. Теперь в морской пехоте, но где? Давно никаких известий...

Мы встретились. Все-таки встретились на Корабельной стороне, в обугленной Аполлоновке. Короткой была та встреча. Взвод Арлекина уходил в бригаду Потапова на Макензиевы

высоты. Я рассказал о встрече с Красотулей, он скуп о гибели буксира и смерти боцмана, последнего, не считая, само собой, нас двоих, из довоенной команды. «В тот день, Федя, и меня отпустило в первый раз – везунчик!.. Да-а... Но, думаю, не зря поливаем землю парной кровушкой. – В глазах Володьки мерцали холодные льдинки. – И если чайки действительно матросские души, то флотская доля велика есть на весах будущей победы...»

Со стороны Бартеньевки наплзали копоть и дым, небо напоминало голенище солдатского кирзача, осилившего сотни верст бездорожья. Тусклое солнце, похожее на медную заклепку, едва светило сквозь хмарь и мглу, сквозь дым и копоть...

Погано было на душе. Муторно было.

Володька понял мое состояние. Ведь и его – не лучше – Не журысь, старпом, и помни: за нами не заржавеет, – ободрил, подымаясь: под древней аркой показался расхристанный грузовичок. Капитан-лейтенант скомандовал посадку своей полосатой пехоте. – Помни, Федя! – крикнул из кузова. – За нами не заржавеет!

3

не зная горя, горя, горя,
в стране магнолий пле-ще-т мор-ре...

Голос певца меланхоличный, бесстрастный. Есть, правда, ностальгическая хрипотца – выжимает, стервец, слезу. На нее и работает. Вот и Арлекин подмурлыкал: «И на щеках играет кровь!»

– Вспоминаешь карнавалы на «эспланаде»? – предположил я.

– Иногда... Потому что за ними следом война. А я, Федя, сыт ею по горло. Я не жалуясь. Мы были обязаны пройти через это. Просто мне кажется, что я всегда попадал в самые дерьмовые ситуации.

– Многие попадали... – осторожно вставил я.

– Конечно... Но у каждого солдата – СВОЯ война Или не согласен? Я, Федя, с некоторых пор и книг про войну не читаю, и фильмов не смотрю: сидит в печенках. Э, да что там! Что ни тронь – везде больно. Вот им бы, – он кивнул на обрыв, где заливался магнитофон, – полезно бы это понять. Только понять, а не так, как те... – Он куда-то кивнул седым затылком. – Как те, за горами, за долами... Только понять, чтобы не испытывать на своей шкуре. Она у россиян хотя и дубленая, но вовсе не обязательно снова испытывать ее колотушками.

Замолчал Арлекин. Молчал и я. Да и что скажешь? Если обобщать до понятий, то воевали не мы – вся страна. Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой... Да-а... Нынешние солдаты, те что воюют, в ином положении. Их горстка. Большая, но горстка в чужом краю. Они знают, что когда умирает друг, кто-то, быть может, их ровесник, весело смеется, сладко пьет-ест, обнимает, ворует, не может нахапаться, нажраться и уж конечно не думает о далекой и близкой стране «за долами, за горами»

– Володя, нас они уже не поймут. Мы для них – плюсквамперфект. Но если поймут ровесников, прошедших через ЭТО, что ж... Господи, неужели в человеческой смерти есть какая-то польза?!

– Польза... Пользна, но необязательна, только смерть солдата, умирающего за свою родину, все остальное... – Он умолк и вдруг негромко запел:

The submarine boats will silently hail us.
The polar hell depth is our grave
The only reminder of dead gone sailors
A farewell wreath on the wave

Мне далеко в английском до Владимира, но все ж таки язык я знаю достаточно хорошо, чтобы разобрать, о чем песня. Пел Арлекин о подводных лодках, что молчаливо поприветствуют нас в глубинах полярного ада, где наша могила. Единственным напоминанием о мертвых матросах будет прощальный венок на волне. Что-то в этом роде.

Потом Арлекин продолжил по-русски. Наверное, сам и перевел.

Мы ставим на жизнь, но не в покер, а в драке
Коль банк не сорвем, то заглотим крючок.
Земля не сверкнет нам маячной слезою,
Блеснет перископа смертельный зрачок...

– Федя, есть у меня приятель – соседский мальчишка. Хороший пацан, а фильмы про войну тоже не смотрит. Документальные фильмы. Скучно ему: бегут, падают, умирают. Словом, ничего на экране не происходит. Я и подкинул ему такое воспоминание... – Он перевернулся на бок, оперся на локоть. – Брали мы батальоном высотку. Раз, другой, третий... В конце концов уложил нас немец на склоне. Рылом в песок уложил и, значит, расстреливал весь день. Я взводным был – имел десятизарядку. Помнишь, поди, с ножевым штыком? Боялось ружьецо песка да мусора. Мое тоже заклинило, как начали зарываться. Глянул влево-вправо: лежит Семен Петухов с дыркой во лбу, рядом – безотказная трехлинейка. Я и выставился – руку протянул, а фриц с гребня: т-ррр-р! дурной очередью полосанул. Хана, думаю, Арлекину, потому как врезало по животу и там, брат, ползет все и расползается. Каша! А тронуть боюсь, хотя и не больно. Ночь наступила – драпать надо. Я и потрогал живот. Хе-хе, а пузо-то вроде цело! Очередь шла скользом, к тому же на излете. Ремни, штаны, подвязки – это, конечно, перебило, порвало. Ночью немец полез нас добивать. Оставшихся. Встретили гранатами и, пока он чухался и песок из глаз выковыривал, кувыркнулись с той бородавки. Драпали по всем правилам – на большой скорости, а у меня – представляешь?! – штаны сваливаются. У-у, все равно дую галопом и ружье не бросаю. Махнули, значит, аж за овраг, в свои окопы, и застряли в них до весны. Овраг тот за зиму плотненько набили покойниками. Бывало, ползешь по спинам, а головы вокруг, что булыжники... Где чьи – не разбери-поймешь...

– И как реагировал твой слушатель?

– Ногами болтал. И ковилал у носе... Это, говорит, не то и не так, это, говорит, совсем неинтересно.

– Еще бы! После наших-то фильмов. Красиво умирают, а уж...

– Все это, Федя, – Арлекин перебил меня, – я когда-то рассказывал О'Греди. Очень спрашивал ирландец. Интересовался, как устояли, где брали силы. Выслушал – задумался, но, вижу, понял не все, а ведь храбрец завидный и фашистов ненавидел, как, как... Н-да... Так, говоришь, спрашивал про меня?

...Наша встреча в Лондоне зимой сорок четвертого оказалась и сумбурной, и короткой. Владимир рассказывал о себе неохотно и вяло. Приходилось вытягивать каждое слово. Наконец до меня дошло, что Володька – весь еще там и в том, что пришлось пережить на «Заозерске» и после гибели танкера. Все-таки он многое рассказал мне. Во всяком случае, основное. На большее не оставалось времени. Закончив дела по поставкам, я улетал в Москву, Арлекин оставался в Англии.

Он попал на север из госпиталя. Наковыряли из него кучу железа, а вздумали списать – взбунтовался. Конечно, медики не очень-то считаются с нашими желаниями, но перед ним не устояли – везунчик! – и сочли возможным направить в распоряжение тыла флота, а те препроводили Арлекина в Архангельское пароходство.

Ему обрадовались: готовый капитан танкера! Потом засомневались в чьей-то памяти всплыло довоенное «дело» и его финал – черноморский заштатный буксир Гм, финал... Он мог быть причиной деквалификации, пусть временной, но профессиональной непригодности. И пошло-поехало!.. Полезла наружу мелочь и дребедень. Кто-то (всегда найдется такой!) припомнил услышанное мельком когда-то и от кого-то о странной кличке – Арлекин. Арлекин? Отчего, по какой причине? Отдает, знаете ли, кабаком, пахивает, знаете ли, бичком-ром! Спросили самого – объяснил. Оказывается, все просто, но... Деквалификация возможна? Вполне. Значит, есть смысл повременить с назначением. Не коком идет – капитаном. И все-таки несказанно обрадовали Арлекина, направив вторым помощником на старенький танкер «Заозерск».

Танкеру предстоял долгий и трудный путь в Соединенные Штаты. Надежда на возвращение? Никакой гарантии – война.

Но им повезло (везунчик?). «Заозерск» в одиночку прорвался до Исландии, оттуда – в Соединенное Королевство, где отремонтировался, поднабрался прыти и рванул во Флориду. Здесь танкер закачал авиагорючку и снялся в Исландию, где формировался караван на Мурманск.

Еще до Хваль-фиорда «Заозерск» многократно спасало мастерство капитана и кормовая сорокапятка. «Фокке-вульфы» лезли настырно, – танкер отбивался умело и зло. И отбился, но... Погиб старпом. Тринадцать пуль разорвали тело от плеча до паха, и должность перешла к Арлекину. При этом он по-прежнему оставался вторым помощником, то есть ответственным за груз и продукты. Теперь еще и старпом, а две ноши посеребрят виски любому, если учесть ситуацию и возможности старого судна. В танках у него не мазут высокооктановая горючка, идущая по первому разряду и, значит, самая взрывоопасная. Ее коварные свойства были известны Арлекину по довоенным рейсам на Каспии, и он усилил спрос с донкерманов. Глаз да глаз! В его положении это единственный выход. Доверял, но проверял: многократно осмотрел и ощупал грузовые клинкеты, разобшительные клапаны на пожарной магистрали были подвергнуты тщательной проверке. Так же и винтовые приводы крышек у горловин танков. Словом, не остался без внимания самый незначительный, казалось бы, вентиль. Да только есть ли на танкере, как и на любом судне, ненужная деталь? Что-нибудь незначительное? Нет. Все – в деле, все предельно функционально.

Капитан (ему предстояло писать характеристику) приглядывался к помощнику, и Арлекин снова и снова проверил наиболее важные узлы, включая системы заземления, вентиляции и пожаротушения; чуть ли не на карачках «пронюхал» герметизацию танков и лишь потом доложил о готовности судна к выходу в море.

Капитан не имел претензий к старпому, но отношения вначале складывались не лучшим образом. Точнее, начали складываться, когда вопреки строжайшему приказу «о несовместимости морской службы в условиях военного времени с любым отвлекающим моментом и о запрещении наличия такового», на танкере появился щенок. Вернее, годовалый пес. В числе прочих «моментов» перечислялись собаки и кошки, а также попугаи и обезьяны, попавшие в реестр, как полагала команда, не столько ради красного словца, сколько от старческой ностальгии кепы по экзотическим портам и любви к «просторным» приказам, которые готовились любовно и долго вынашивались в голове.

Что касается пса, но он появился накануне возвращения в фиорд из Акурейри, где на базе ВМС в помощь сорокапятке ставили спаренные пулеметы. Танкер пришел в базу одновременно с крейсером «Абердин», несшим флаг commodora Маскема, назначенного командиром вновь сформированного конвоя, выход которого постоянно откладывался. Очевидно, неопределенность и заставила старшего офицера крейсера заняться хозяйственными работами. Требовалось занять людей, и вот из клюзов корабля высыпали на причал тяжелые якорные цепи. Десятка три матросов принялись растаскивать их, цепляя крючьями-абгалдырями. Калибр звеньев был таков, что матросы тужились изо всех сил, как и во времена парусов и воротов-кабестанов, да еще и помогали себе тягучей заунывной песней. Запевал пожилой матрос с татуированной бабочкой на правой щеке:

Прощальные крики смешались в эфире,
А «юнkersы» снова заходят дугой
Фрегат накренился и вспыхнула «Мэри»
В Атлантике гибнет полярный конвой

На слове «конвой» делался рывок. Матросские спины напрягались – цепь ползла пыльной змеей; голоса вторили глухо, но торжественно, хор подтягивал, хор звучал слаженно. Реквием!

Ударит торпеда, и кончится Джонни
Не нужно ни денег ему, ни наград
О вереск зеленый, ах домик в Йоркшире
Могила – глубины, Атлантики ад

Арлекину не приходилось слышать такой обреченности в песне, которая должна взбадривать и задавать темп, ритм работе. Эта – не «Дубинушка» с угрозой и могутной силой, эта – совсем о другом...

Не знаем судьбы и не верим в удачу
Судьба, что торпеда, – безжалостен бег!
Рвануло у борта «Прощай, моя Долли!»
И хлынуло море в пробитый отсек

А может, обреченность только почудилась? Почудилась, несмотря ни на что? Может, сказывается усталость, копившаяся месяцами, а нынче поддержанная томительной неизвестностью ожидания? Но нет...

Плывут они рядом – разбухшие трупы
У Бена глазницы подернулись льдом
Вон Джонни, вот Роберт, там Чарли с «Тобрука»,
Тут Питер валлиец с фрегата «Энтрем»

Матросы тащили концевые звенья аж за корму танкера. У Арлекина хватило времени запомнить каждое слово и мотив. Даже ловил себя на том, что вспоминает песню в самое неподходящее время. Она и для него звучала теперь грозным пророчеством, в которое не хотелось верить, которое сжимало сердце...

Слепые глазницы – вечернее небо,
И плещет волною в раскрытые рты
Вот Джерри везунчик, вон Робин-повеса,
А тот, обгоревший, механик с «Фатьмы»

Матрос с бабочкой дышал тяжело – возраст! – и потому выговаривал отрывисто и хрипло:

У Джека и Полли – отцовские скулы
Не нужно молитв и не трите глаза!
На ложе из ила прилягут матросы,
Чтоб вечностью стать, как морская волна

Натурализм песни напоминал слишком многое Да-а, видел, видел... Все это он уже видел не раз И мысли гнал, и тоже, бывало, тер лоб и сжимал кулаки, тискал виски, схваченные холодом безысходности – зачем война? почему?! А песня... Даже щенок запоскуливал. Бездомный щенок с причала Кормили все, но и все гнали. И вот... Была в скулежке просьба, почти мольба о защите. Хотелось псу найти хозяина, довериться человеку, но были глухи матросы и неумолимы офицеры крейсера, загнавшие себя в такую же собачью тоску...

Бездомный щен и решил дело: ну что мы хороним себя раньше времени, черт возьми! И жить будем, и будем плавать! И о щенке позаботимся. Именно так. Нарушил старпом капитанское «вето» и привел собаку на танкер.

Кличка Сэр Тоби появилась случайно и не имела отношения к персонажу Шекспира. И дал ее, кажется, боцман, поместивший «сэра» в кладовке под полубаком. Из конспирации – а что, приходится! – поставили в кладовку флягу с водой и притащили НЗ, несколько банок свиной тушенки. Но ухищрения не помогли, хотя капитан маялся радикулитом и не вылезал из постели, он все-таки пронюхал о собаке и вызвал старпома «на ковер».

Смиренно и как должное принял Арлекин первый «разнос», но в ответной «речи» про-изнес панегирик в пользу «четвероногих слухачей» и, кажется, доказал капитану, что они незаменимы именно в условиях военного времени.

– В этих условиях, – Владимир доверительно наклонился к больному и добавил с иезуитской кротостью: – В этих условиях собака – не отвлекающий момент, а верный друг моряков и помощник судоводителя.

И старик смирился. Лишь проворчал, что когда, мол, не спят собаки спят впередсмотрящие и сигнальщики, а сие – форменный бардак-с в вопросах службы.

– Значит, милейший, старпом не тянет, – выговаривал капитан, – вахта спит, а капитана, то есть меня, милейший, меня, допустившего сие непотребство, пора выбрасывать на свалку.

Выговорившись и растерев поясницу, уgomонился, но поставил условие:

– Пес не должен появляться в жилых помещениях, обязан воздерживаться от писания в коридорах и... – Капитан умолк. Арлекину показалось, что он чуть было не сказал: «... и не курить на палубе», и потому не выдержал улыбнулся. – Но если с этого... Сэра Тоби, кажется, придется спрашивать службу, – кеп, к счастью, не заметил усмешку, – извольте поставить пса на довольствие и обеспечьте уход.

Матросы «Абердина» заторопились с окончанием работы, и это было признаком скорого выхода в море. Скребки и щетки обгладывали ржавчину с цепей, а кисти тут же прятали девственный блеск металла под каменноугольную смолу. Окраской распорядился матрос с бабочкой, к нему и обратился старпом, когда боцману понадобилось немного черни для судовых нужд. Матрос нацедил смолы и, возвращая кандейку, спросил о собаке: как, мол, пес? Ответом остался доволен. Что ж, пес пристроен в хорошие руки, пес накормлен и обласкан, сэнк'ю, мистер чиф-мейт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.